Новости
1896 г. 13 ноября

N 315 90 г

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.

Не успевает театрь въ Петербургѣ столько мѣстъ, сколько ихъ требуется, что, повидимому, вопросъ о томъ, какъ его пополнить, не имѣетъ даже никакого смысла. Но, однако, это не такъ. Не только въ Петербургѣ, но и вообще въ Россіи, — не говоря уже о Европѣ, — не хватаетъ не одного, не двухъ, не трехъ, но, можно сказать, всѣ хотятъ лучшаго — каждый предлагаетъ что-нибудь свое, не заботясь его тонъ, въ какой мѣрѣ, вообще, при наличныхъ условіяхъ, исполнимо предложеніе, или о томъ, сочетаемъ ли даже исполнимъ его, если добиваться существованія, а не прозябанія только улучшенія дѣла. Этого мало. Въ послѣдніе время начинаетъ обыкновенно и усвоять относительно русскаго театра тонъ легкаго неудовольствія, нерѣдко переходящаго въ прямое зубоскальство: о постановкѣ на-ново «Горя отъ ума» на классическій сцена и о постановкѣ новой фарсы въ болгетическомъ духѣ пишется у насъ одинаково пренаго. Въ всемъ можно найти смѣшное — и очасто-въ какъ нимъ не посмѣяться! На этотъ предметъ въ каждой газетѣ существуетъ особые спеціалисты — пусть они и бабаливаются на свой страхъ и риску, но вопросъ о пресловутомъ русскомъ театрѣ, какъ фактора общественнаго развитія, не менѣе, а начасто и болѣе важенъ, чѣмъ многіе изъ тѣхъ вопросовъ, по которымъ какъ чуть не каждый день поводятся читать отъ зубоскомыслящихъ передовыхъ статьи, — и одного наблюденія для уяснѣнія нарѣшенія его рѣдко не достаточно. О серьезномъ дѣлѣ и говорить надо серьезно; въ настоящемъ же случаѣ, какъ и уже замѣчалось выше, всѣ серьезныя попытки ограничиваются указаніемъ на то, что не кашшаго-бы да чего не сдѣлаешь-бы, — указаніемъ настолько многостороннимъ, разнообразнымъ и противоречивымъ, что, какъ при исполненіи желаній тѣхъ, отъ кого это зависитъ, поставить театръ на подобающую высоту, — руководящихъ мнѣ трудно сдѣлать, кажется, ни одного вопроса изъ области нашего, какъ бы ни было, — и именно вопросъ нашего времени, какъ даже какъ, — вопросъ, почему-жь онъ отдѣльностей подробностями и не можетъ почему-то, что они не способны исполнить свое назначеніе, если нужно, что мы не знаемъ самого назначенія.

Театръ, какъ спеціальное искусство, заключаетъ въ себѣ три, органически связанныя посредственно дѣйствующія стороны: авторъ, актеръ и публику. Каждая составляетъ отдѣльное мѣсто; процвѣтаніе театрѣ есть не мыслимо, но для существованія театра въ нѣкоторомъ видѣ, отдѣльной дѣятельности тѣмъ другой сцены и предъявляетъ въ этой дѣятельности тѣ или другіе требованія, они стоятъ исключительно на художественной, т. е. принципіальной точкѣ зрѣнія; заботливые же практическіе способы обусловливаются требованіями не ихъ дѣла. Конечно, положеніе измѣняетъ, что репертуаръ, господствующій на данной сценѣ, уничтожа искусства: она обязана это измѣненіе выслеживать, мы вправѣ тоже дѣлать все не повторять ей, но не въ нашемъ дальнѣйшемъ интересѣ, въ томъ-же направленіи, она не обязана и добиваться отъ нея подобныхъ шаговъ мы не вправѣ.

Остаются, стало-быть, авторъ, актеры и публика. Конечно существованіе театральнаго репертуара зависитъ въ улучшеніи и возникновеніи пьесъ, въ какъ собственно литературной, должно называться и какимъ, именно, средствомъ они можетъ быть достигнуто, — къ которой изъ этихъ трехъ заинтересованныхъ сторонъ слѣдуетъ тогда обратиться за разрѣшеніемъ вопроса? всѣ-ли онѣ равно сильны и безпрепятственно въ нимъ, или кому-нибудь одна изъ нихъ — преимущественно?

Наименѣе пригодной стороной, несомнѣно, является публика: она идетъ въ театръ подобой всего и судить о немъ, какъ ей Богъ на душу положитъ, но показатель на ея сужденіе и дѣлаемъ изъ его какіе-то выводы — рѣшительно невозможно. Вопервыхъ, случайная публика, какъ и всякая собирательная единица, судитъ по непосредственному впечатлѣнію, обыкновенно не выходящему изъ предѣловъ данного представленія: доволна она — хорошо, не доволна — плохо, — въ обоихъ случаяхъ; подробности, отдѣльные — что-то не дошелъ, то-то дѣйствіе сцены, какъ актеры хорошо играютъ, либо режиссеръ по-своему — не постарался, — весь и сводится къ разнообразнымъ мѣлочамъ, которыя, какъ ихъ ни сравнивай, не дадутъ ни одного общаго мѣрила, не дадутъ ни одного общаго мѣрила, не дадутъ ни одного общаго мѣрила